29.04.2014 г. / 14:51:17

Вяра

Осма неделя след Дена на Света Троица

В ОСМА НЕДЕЛЯ СЛЕД ДЕНЯ НА СВЕТА ТРОИЦА, ЗА ПЕТТЕ ХЛЯБА

Нie имаме тук само пет хляба и две риби (Мат. 14:17)

Благослови, отче!

Благочестиви християни! Както всеки гладен тича към хляба и всеки жаден, към водата, така и всеки християнин трябва да тича, към Божията трапеза - църквата, за да слуша Божието слово, което е небесен хляб и жива вода за душата, защото храни и пои душата с небесна мъдрост и безкрайна сладост. Тази радост вкусили и онези тълпи народ, които си оставили работата и домовете, и тръгнали в пустинята след Христа, където стояли гладни три дни, само и само да слушат Христовото учение и да насладят душите си. А Христос за търпението и усърдното им слушане не само изцерил всичките им болни и бесновати, но и ги нахранил с пет хляба, а само мъжете били пет хиляди души, като освен тях имало и жени и деца, както ще чуем сега от Евангелието.

От Матей, зачало 58

В онова време, като излезе Иисус, видя много свят, и смили се над тях и изцели болните им. А на мръкване приближиха се

до Него учениците Му и рекоха: тук мястото е пусто, и времето вече напредна, разпусни народа, за да идат по селата и си купят храна. Но Иисус им рече: няма нужда да отиват, дайте им вие да ядат.

А те му казват: ние имаме тук само пет хляба и две риби. Той рече: донесете Ми ги тука. И, след като заповяда народу да насяда на тревата, взе петте хляба и двете риби, погледна към небето, благослови и, като разчупи, даде хлябовете на учениците, а учениците - на народа. И ядоха всички и се наситиха, и дигнаха останали къшеи дванайсет пълни коша, а ония, които ядоха, бяха около пет хиляди души, освен жени и деца. И веднага Иисус накара учениците Си да влязат в кораба и да минат преди Него насреща, докле Той разпусне народа. (Мат. 14:14–22)

ТЪЛКУВАНИЕ

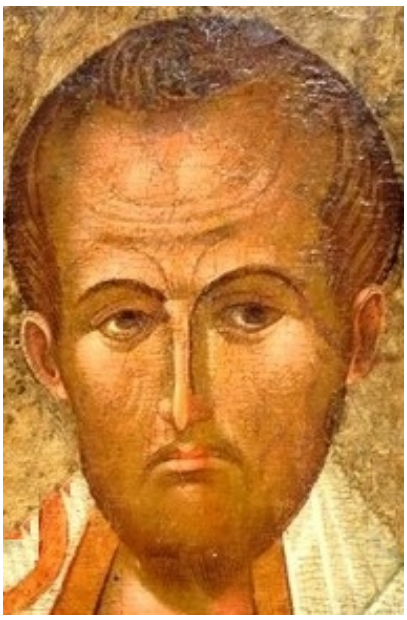
Като чул, че Ирод е обезглавил Иоан Кръстител, Христос напуснал Иерусалим и отишъл с апостолите си в пустинята, близо до град Витсаида, за да си почине там и да ни покаже пример да бягаме настрана от гнева и да не тичаме сами безразсъдно към бедата. И освен това, за да ни увери, че наистина е приел човешко тяло, а не мечтателно, както твърдят и днес някои еретици. Но ние вярваме, че Христос е имал истинско тяло, с което избяга в Египет от детеубиеца Ирод, както и сега избягал в пустинята, а не в някой град, само и само да не тръгне някой след Него, но и там хората не се отделили от Него, а тичали след Него с голямо желание, за да слушат сладкото Му учение, с толкова вяра и любов, че дори не си взели хляб. Защото Христос ги помилвал, така че болните им изцерил, и с хляб ги нахранил, защото, когато апостолите Му казали да пусне хората да отидат да си купят хляб, Той им казал да им дадат да ядат. А те казали, че хлябът няма да стигне за всички, защото имали само пет хляба.

Тогава Христос извършил голяма чудо, защото, като благословил онези пет хляба, те толкова се увеличили, че петте хиляди души се нахранили и пак останали дванайсет пълни коша с къшеи. Християни, виждате как Бог прави от малкото много и как апостолите не били лакоми, нито ядели много, защото били дванайсет души, а имали само пет хляба, и то – от ечемичено брашно, но и тях не задържали за себе си, а проявили милост и нахранили толкова много гладни хора. Това е голяма поука и нагледен пример за нас да не бъдем лакоми и да не търсим най-разнообразни ястия, а дори да имаме малко пак трябва да отделим и да нахраним гладни сиромаси и чужденци. Защото и от малкото ако дадем, то не се свършва, а се благославя от Бога и се увеличава, както се увеличили тези пет апостолски хляба, когато Христос погледнал към небето и тогава ги благословил. А защо погледнал към небето и тогава ги благословил? Не за друго, а първо, за да покаже, че е дошъл от небето и не е противен на Бог Отец, и второ, за да ни научи, когато сядаме на трапезата, да не ядем, докато първо не благодарим на Бога, Който ни дава храната. Вижте колко премъдро постъпва Бог – първо нахранил душата им с поучение, а после тялото с хляб и риба, като им рекъл да насядат на тревата, с което ни учи да не търсим винаги меки постелки и разни ястия. И като се нахранили, останали дванайсет коша къшеи, които били чудо за света и похвала за народа, който бил с деца и жени и пак ходел след Христа, за това всички получили благодат от Него. Тогава Христос казал на апостолите да вземат останалия хляб, всеки – по една кошница, за да не кажат, че е направил това мечтателно, а да се убедят, че е увеличил не само хляба, но и рибата, и за да покаже, че Той е създателят на небето и водата и Той храни целия свят. А Христос извършил това чудо в пустинята, която била далеч от села и градове, за да не рекат, че са занесли от някое село много хляб и ги е нахранил.

ПОУЧЕНИЕ

Християни, тук можем да наречем пустиня древния елински народ, който се покланял на дявола, като на Бога, и дяволът живеел в елините, както дивите зверове в пустинята. Пустиня е също всяка грешна душа, която е грешна и празна откъм добродетели. А Христос, като слезе от небето и се роди на земята, се яви първо на еврейския народ, но те не повярваха в Него и Той ги остави голи от Своите дарове и отиде, като в някоя пустиня сред елинския народ, а елините бяха идолопоклонци, каквито бяхме тогава и всички ние, и като ни просвети с различни поучения и чудеса, повярвахме и се облякохме с много Божии добродетели, а евреите останаха голи от тези добродетели, понеже не повярваха.

Но, християни, днес чухте колко много хора излезли от селата и градовете и тръгнали след Христа, когато Той отишъл в пустинята, и били нахранени от Него телесно и душевно. Така и ние трябва да излезем от излишните светски грижи и от всички грехове и винаги да тичаме в храма да слушаме Божието слово, което е ангелски хляб, укрепващ и душата и тялото. Защото Бог, като види, че тичаме, към храма и слушаме божествената Му наука, ще ни помилва и ще изцери душевните и телесните ни болести, ще ни пази от всяка беда и на този свят изобилно ще ни даде всички блага, а на онзи свят ще ни даде Небесното царство. Нему слава във вечни векове, Амин.



Свети Иоан Златоуст

Четиридесет и девета тълкувателна беседа на свети Иоан Златоуст върху Евангелие от Матей

Тази беседа е с тълкуването на стиховете от Светото Писание, четени в 8-ма Неделя след Петдесетница. Намираме изяснение на гл. XIV, ст. 13–32.

Беседа 49

"И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком". (Матф. 14:13)

Изъяснение 14:13–32. Почему Христос после известия о смерти Иоанна удаляется в пустыню. – Привязанность народа ко Христу. – Несовершенство веры учеников. – Почему одни чудеса Христос совершал собственною властью, другие именем Отца. – Умножение хлебов свидетельствует, что Христос есть Творец всего видимого. – Способ совершения чуда и цель его. – Не должно искать людской славы. – Духовные блага должно предпочитать чувственным. –

Милосердие превосходнее всех искусств. – Всякое искусство достойно своего имени, доколе служит к удовлетворению необходимого. – Против роскоши в обуви и одежде.

1. Заметь, что Господь всякий раз удалялся, когда Иоанн был предан, когда он умерщвлен, и когда иудеи услышали, что Иисус приобретает многих учеников. Ему угодно было чаще поступать по-человечески, пока не пришло время вполне обнаружить божество Свое. Потому и ученикам он приказывал никому не говорить, что Он Христос; Он хотел, чтобы это сделалось известным по воскресении Его. По этой причине и с иудеев, которые дотоле не веровали в Него, не строго взыскивал, а, напротив, извинял их. Удаляется же не в город, но в пустыню, и притом на корабле, чтобы никто не следовал за Ним. Не оставь без замечания и того, что ученики Иоанна теперь уже ближе стали к Иисусу. Они именно уведомили Его о случившимся (с Иоанном) и, оставив все, делаются уже Его учениками. Так, кроме несчастья, немало исправило их и то, что Иисус внушил уже им о Себе Своим ответом. Но почему Господь не удалился до получения от них известия, хотя знал о случившемся и без уведомления? Для того чтобы во всем показать действительность воплощения. Не видом только, но и самыми делами Он хотел уверить в истинности его, потому что знал злобную хитрость дьявола, который готов все сделать, только бы истребить в людях мысль о Его воплощении. Вот по каким причинам удаляется Христос. Но привязанный к Нему народ не оставляет Его, а следует за Ним; и происшествие с Иоанном не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Так она все побеждает и устраняет трудности. За это-то народ и получил вскоре награду. "И, выйдя, Иисус", продолжает евангелист, "увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их" (Матф. 14:14). Хотя ревность их была велика, но благодеяния Христовы превышали цену всякого усердия.

Потому евангелист и причиной исцелений в данном случае поставляет особенную милость; Христос всех исцеляет, и не спрашивает здесь о вере, потому что исцеленные показывают свою веру уже тем самым, что пришли к Иисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждал их к тому голод. Христос намеревается дать им пищу. Но сам не начинает этого, а ожидает, пока обратятся к нему с просьбой, всюду, как я уже говорил, наблюдая правило: не прежде приступать к совершению чудес, как по просьбе. Но почему же никто из народа не подошел и не попросил Его об этом? Они безмерно Его уважали, и желанием быть при нем подавляли в себе чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми их, потому что еще были несовершенны. Но что они говорят? "Когда же настал вечер", говорит евангелист, "приступили к Нему ученики Его и сказали: место здесь пустынное и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи" (Матф. 14:15). Если ученики и по совершении этого чуда забыли о нем, и после коробов думали, что Христос говорит о хлебах, когда Он учение фарисейское назвал квасом, то тем более, не видев еще на опыте такого чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобного (Матф. 14:16). И хотя Христос исцелил сперва многих недужных, однако, ученики, и, видя то, не ожидали чуда над хлебами. Столько еще были они несовершенны! Ты же заметь мудрость Учителя, как прямо Он ведет их к вере. Не сказал вдруг: Я напитаю их; этому они не скоро бы поверили. "Но Иисус", говорит евангелист, "сказал им", – что же именно? "Не нужно им идти, вы дайте им есть" (Матф. 14:16). Не сказал: Я дам; но – вы дадите, – так как они еще считали Его простым человеком. Даже и после этого не возвысились они в понятиях, напротив, отвечают как простому человеку, говоря: "у нас здесь только пять хлебов и две рыбы" (Матф. 14:17). Потому и евангелист Марк говорит, что они не разумели сказанного: "потому что сердце их было окаменено"

(Марк 6:52, 8:17). Итак, поскольку они еще пресмыкались по земле, то Господь сам начинает уже действовать, и говорит: "принесите их Мне сюда" (Матф. 14:18). Хотя "место пустынное", но здесь Тот, Кто питает вселенную; хотя "время позднее", но с вами беседует Тот, Кто не подлежит времени. Иоанн упоминает и о том, что хлебы были ячменные, и не без цели говорит об этом, а с намерением научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророков. "Взяв пять хлебов и две рыбы", продолжает евангелист, "и велел народу возлечь на траву, и воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей" (Матф. 14:19–21).

2. Для чего Христос воззрел на небо и благословил? Ему надлежало уверить о Себе, что послан от Отца, и что равен Ему. Доказательства же этих истин, по-видимому, противоречили одно другому. Равенство Свое с Отцом Он доказывал тем, что делал все с властью; а тому, что послан от Отца, не поверили бы, если бы не поступал во всем с великим смирением, не стал приписывать всего Отцу, и во всяком деле призывать Его. Вот почему Господь, в подтверждение того и другого, не делает ни того, ни другого исключительно, но творит чудеса иногда с властью, а иногда по молитве. Потом, чтобы в этих действиях Его не представлялось опять противоречия, в делах менее важных взирает на небо, а в важнейших все творит с властью, из чего ты должен заключить, что и в менее важных делах Он поступает так не по нужде в содействии, но воздавая честь Родившему Его. Так, когда отпускал грехи, отверз рай и ввел в него разбойника, когда полновластно отменял ветхий закон, воскрешал многих мертвых, укрощал море, обнаруживал тайны сердечные, отверзал очи, – каковые дела свойственны одному Богу, а не

другому кому, – ни при одном из этих действий не видим Его молящимся. А когда намеревался умножить хлебы, что было гораздо маловажнее всех прежде исчисленных действий, тогда взирает на небо, как в подтверждение Своего посольства от Отца, по замеченному мной выше, так и в научение наше, не прежде приступать к трапезе, как воздав благодарение Подающему нам пищу. Но почему не творит хлебов вновь? Чтобы заградить уста Маркиону и Манихею, которые не признают Его Творцом, чтобы самыми делами научить, что все видимое произведено и сотворено Им, и чтобы доказать, что Он есть дающий плоды и изрекший в начале: "да произрастит земля зелень, траву"; также: "да произведет вода пресмыкающихся, душу живую" (Быт. 1:11, 20). И настоящее чудо не менее важно творения былья или гадов. В самом деле, пресмыкающиеся, хотя и сотворены вновь, однако, сотворены из воды. А из пяти хлебов и двух рыб сделать так много – не менее важно, чем произвести из земли плод и из воды пресмыкающихся животных; это значило, что Иисус имеет власть над землей и над морем. Доселе творил Он чудеса над одними больными; а теперь оказывает всеобщее благодеяние, чтобы народ не оставался простым зрителем того, что происходило с другими, но сам получил дар. И что иудеям, во время странствования по пустыне, казалось чудным (так как они говорили: "но сможет ли Он дать и хлеб? или приготовить трапезу" в пустыне? (Пс. 77:20), то самое Господь показал на деле. Для того и ведет их в пустыню, чтобы чудо не подлежало решительно никакому сомнению, и никто не подумал, что для пропитания принесено что-нибудь из ближнего селения. Для того евангелист упоминает и о времени, а не только о месте. Отсюда научаемся и другому, именно: познаем умеренность учеников в удовлетворении необходимых потребностей, и то, как мало заботились они о пище. Их было двенадцать человек; а они имели при себе только пять хлебов и две рыбы. Столь мало радели они о

плотском, а занимались только духовным! Да и этих немногих хлебов не стали удерживать, а и их отдали, как скоро попросили у них. Отсюда должны мы научиться, что хотя имеем у себя и малость, и то обязаны отдавать нуждающимся. Когда им велено принести пять хлебов, они не говорят: что же будем есть сами? Чем утолим свой голод? – но тотчас повинуются. Кроме сказанного, по моему мнению, Христос и для того не творит вновь хлебов, чтобы привести учеников к вере: они были еще весьма слабы. Потому взирает и на небо. Они видели неоднократно примеры других чудес, а такого чуда еще не видели. Итак, взяв, преломил и раздавал через учеников, делая им через это честь. Впрочем, Он сделал это не столько для чести их, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо, они не остались в неверии и не забыли о бывшем, когда собственные их руки будут свидетельствовать о том. Для той же цели и народу дает сперва испытать чувство голода; для той же цели выжидает, чтобы ученики пришли и просили, через них же рассаживает народ, через них же раздает хлеб, желая, чтобы каждый предрасположен был к чуду собственным сознанием и опытом. По той же причине берет и хлебы от учеников, чтобы много было свидетельств о случившемся, и памятнее сделалось для них чудо. Если и при всем том забыли они, то что бы вышло, когда бы не приняты были такие меры? Господь повелевает возлечь на траве, научая тем народ простоте жизни; хотел не тело только напитать, но и душу научить.

3. Итак, Господь для того избрал такое место, дал не более, как хлебы и рыбу, предложил всем одну общую пищу и никому не уделил больше другого, чтобы научить смиренномудрию, воздержанию, любви, – тому, чтобы мы все равно были расположены друг к другу и все считали общим. "И, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу". Пять хлебов преломил и роздал, и эти пять хлебов в руках учеников не истощались.

Но и тем чудо еще не ограничилось. Господь сделал, что оказался избыток, и избыток не в цельных хлебах, а в кусках, чтобы показать, что это точно остатки от тех хлебов, и чтобы не находившиеся при совершении чуда могли узнать, что оно было. Для того Христос попустил народу почувствовать и голод, чтобы не принял кто чуда за мечту; для того сделал остатков двенадцать коробов, чтобы и Иуде было что нести. Господь и без хлебов мог утолить голод, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Илие. А за это чудо иудеи так удивились Ему, что хотели сделать даже царем, хотя при других чудесах никогда не покушались на это. Какое же слово изобразит то, как источались хлебы, как они растекались по пустыне? Как их достало для такого множества? Евших было пять тысяч, кроме жен и детей; и это служит большой похвалой для народа, что и жены и мужи следовали за Христом. Как могли быть остатки? Это тоже не маловажнее первого. Притом остатков вышло столько, что число корзин равнялось числу учеников, – ни больше, ни меньше. Господь отдал куски не народу, а ученикам, потому что народ не столько был совершен, как ученики.

По совершении же чуда, "тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ" (Матф. 14:22). Если в Его присутствии могли думать, что произведено нечто мечтательное, а не действительное, то не могли уже так думать в Его отсутствие. Поэтому-то, предоставляя ученикам строго исследовать случившееся, велел им взять с собой памятники и доказательства бывших чудес, и удалиться от Него. И в других случаях, совершив что-нибудь великое, Христос отсылает от Себя народ и учеников, внушая нам через это никогда не гоняться за людской славой и не привлекать к себе толпу. А словом: "понудил" евангелист выражает, что ученики не охотно разлучались с Ним. Христос отослал их под

предлогом отпустить народ, а на самом деле – намереваясь взойти на гору. Сделал же это опять для нашего научения, чтобы мы и не всегда старались быть с народом, и не всегда избегали его, а, напротив, из того и другого извлекали пользу, и попеременно были то в уединении, то в обществе, смотря по нужде. Научимся же и мы быть с Иисусом, но не для чувственных даров, чтобы не заслужить упрека подобно иудеям. Он говорит: "вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились" (Иоан. 6:26). Потому-то Он и не часто творит такое чудо, а только два раза, чтобы научить их не чреву служить, но непрестанно прилепляться к духовным благам. К ним-то и мы будем прилепляться, станем искать хлеба небесного и, приняв его, отложим всякое житейское попечение. Если иудеи, оставив дома, города, сродников и все, пребывали в пустыне и, несмотря на голод, не отходили от Иисуса, то тем более нам, которые приступаем к такой трапезе, должно показать большее любомудрие, и возлюбить духовные блага, а потом уже искать чувственных. И иудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлебов, но за то, что главным образом и только из-за этого искали Его. Кто пренебрегает великими дарами, а желает малых и таких, которыми он должен пренебрегать по воле дающего, тот лишается и первых; наоборот, если любим первые, то он прилагает и последние, потому что они служат добавкой к первым. Так они малоценны и маловажны в сравнении с первыми, сколько бы ни казались сами по себе великими. Итак, не будем заботиться о благах чувственных, будем считать и приобретение, и потерю их для себя делом безразличным, подобно Иову, который, и, обладая благами, не прилеплялся к ним, и, лишившись, не искал их. Потому они называются и благами (cρηματα), что мы должны употреблять (cρησωμεθα) их на нужды, а не потому, что должны зарывать их в землю. Как всякий художник знает свое только художество, так и богатый не умеет ни ковать, ни

строить кораблей или домов, ни ткать, ни другого чего-либо подобного; а потому пусть учится употреблять свое богатство как должно, быть милосердным к неимущим, и тогда он будет знать искусство, лучше всех исчисленных.

4. И подлинно, это искусство выше всех других. Для него мастерская устроена на небесах. Орудия его – не железо и медь, а благость и добрая воля. Наставник в этом искусстве – Христос и Отец Его. Потому сказано: "будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд" (Лук.6:36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всех других лучше, не требует ни труда, ни времени для занятия им. Стоит только захотеть, и все сделано. Посмотрим же, каков и конец этого искусства. Итак, что бывает концом его? Небо и небесные блага, неизреченная слава, духовные чертоги, светлые светильники, обитание с Женихом и все то, чего никакое слово, никакой ум не могут представить, так что и в этом оно много отличается от других искусств. Большая часть искусств полезны нам только в настоящей жизни, а это полезно и в будущем веке. Если же оно столько превосходит искусства, необходимые для нас, как, например, врачебное искусство, зодчество и прочие, им подобные, то еще более превосходит те, которые, по тщательном исследовании, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я все таковые излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств я не назвал бы также искусствами живопись и уменье выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки; а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и приготовлять нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как

поддерживать бытие свое; а изображать животных на стенах, или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили, и к искусству примешали ухищрение. Тоже случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним, – я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры, – называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преображает в женщин, и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых тогда, – причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным; но это не остановит меня. Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи маловажными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех может быть маловажнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой, и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве, – вы, которые не почитаете этого греха и за грех, и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши.

5. Так исследуем и рассмотрим, как велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, – каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всей

строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? "Не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой" (1Тим. 2:9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах, и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают паруса, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты, после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия? Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего незначащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такой заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться, как должно. Что же может быть беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе, или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой

добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес тому, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе; а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинуешься дьяволу. Подлинно злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекая тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается дьявол, показывающий кожи, или даже и не кожи (потому что и они – произведение Божье), а напыщенность и ухищрение. Поникши к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном; тщеславится своими сапогами более, чем какой-нибудь важной заслугой; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, – боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такой роскошью ты всю душу свою поверг в прах, и беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое о них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею, или положи на голову.

6. Вы смеетесь, слушая это; а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди, насколько бывают мелочны, настолько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у

него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку, и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных, и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам, не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, тающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прической волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то, как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее, или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако же, из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и по неволе обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых, по-видимому, малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Таким образом, они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако же, начавшие с нее делаются риторами, софистами, философами. А не знающие азбуки и этих наук

никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам и, тем более что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам, приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвой. Помолитесь же вместе со мной, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а, прежде всего – Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний. Итак, пустим огонь Духа, попалим злые вожделения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству. Помышляя об этом, поревнуем блаженному Иосифу, просиявшему всеми этими добродетелями, чтобы удостоиться тех же венцов, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.

buditeli.info © 2017